

Сун Инь, улыбаясь, посмотрел на Цяо Юя:

— Давай сядем на заднее сиденье вдвоём.

Сначала взгляд Цяо Юя был прикован к Гу Та, и лишь когда Сун Инь обратился к нему, он заметил говорящего.

И замер.

— Ты... ты... ты... — Лицо Цяо Юя, обрамлённое пушистыми волосами, залилось румянцем. Щёки были надуты, и сквозь кожу угадывалась форма конфеты. Его круглые, виноградные глаза выражали изумление и восторг. — Звезда?!

Сун Инь погладил его по голове, глаза превратились в полумесяцы:

— Конфеты ещё остались?

Цяо Юй пощупал полный карман:

— Есть!

Машина быстро мчалась вперёд.

На заднем сиденье двое с оживлением обсуждали, в каком магазине, какие конфеты и какого вкуса — самые вкусные. Всё заднее пространство было наполнено сладким ароматом.

А на переднем сиденье атмосфера была не столь безоблачной. Янь Цзою, покосившись на Гу Та, который с самого начала без церемоний переключал радио и молчал, спросил:

— Мы вчера вечером уже встречались, да?

— Да, встречались, — ответил тот. Каждое слово, каждый звук в его голосе кричали: «Да кому какое дело!»

А Янь Цзою был не из тех, кто стесняется в выражениях. Он резко затормозил.

Скрип шин прозвучал громко. Его голос стал требовательным:

— Почему ты тогда о платье не сказал?

— Без причины, без повода. Я тебе дважды помог! И это твоя благодарность? Знаешь, почему сейчас большинство людей проходят мимо? — Гу Та повернулся. Его взгляд был ледяным, голос тихим, но от него становилось холодно. — Потому что боятся, что их доброта обернётся против них же.

— Кто против кого обернётся? — Янь Цзою схватил Гу Та за воротник.

Гу Та перехватил его руку, на шее вздулись вены:

— Кто против, тот и знает.

Цяо Юй, до сих пор пребывавший в неведении, испугался, увидев, что двое вот-вот сцепятся. Конфета выпала у него изо рта на коврик, покатилась и прилипла, оставив бледно-вишнёвый след.

— Ой, машину испачкал.

Сун Инь достал влажную салфетку, наклонился, стёр пятно, подобрал конфету и, улыбаясь, выбросил её в маленькую урну в машине.

— Ничего, вот и чисто. Жаль только конфетку.

— Не жалко, не жалко! — замотал головой Цяо Юй, снова доставая из кармана пригоршню конфет. — У меня ещё полно! Есть жевательные, леденцы, ириски, хрустящие, маршмеллоу, с начинкой... И все вкусы разные!

— А мне можно парочку?

Цяо Юй кивнул. Сун Инь взял у него две молочные ириски и вложил по одной в руки Янь Цзою и Гу Та, ловко разъединив их замершие в противостоянии пальцы.

— Братец, голодный? — Сун Инь вежливо похлопал Гу Та по плечу. — Уже ужинать пора, а я проголодался. Составишь компанию?

— Братец! — (А как же моё лицо?!)

Сун Инь бросил на Янь Цзою строгий взгляд, затем посмотрел на затылок Гу Та.

Затылок повернулся. Выражение лица смягчилось, и ледяная маска слегка подтаяла.

— Что ж, не буду отказываться от любезного предложения.

— Отлично. Сяо Янь, едем в «Ваньситан». Ты же столик заказал, верно?

— Братец! — Янь Цзою надул губы, всем видом выражая недовольство.

Сун Инь принял от Цяо Юя жевательного мишку, положил его в рот и только потом сказал:

— Сяо Янь, только что пришло сообщение. Сегодня вечером дома... не хватает одного игрока.

— Ладно.

«Ваньситан».

Когда машина остановилась, к дверям подошёл служащий.

В приватном зале мягкий оранжевый свет создавал необычайно уютную атмосферу.

На белом квадратном столе быстро появились изысканно сервированные блюда с поэтичными и благозвучными названиями. Гу Та, мельком взглянувший в меню, заметил, что цены соответствовали — были тоже весьма «красивыми».

В душе Гу Та бушевала буря. Каждый раз, видя «богиню» в окружении мужчин, он злился. А теперь, узнав, что тот ещё и богат, и красив, он почувствовал, что «богиня» отдалилась от него на недостижимое расстояние, и это злило его ещё сильнее.

Янь Цзою сидел рядом с Гу Та, напротив них устроился Цяо Юй. Сун Инь вышел ответить на звонок.

С тех пор как они вошли, атмосфера была натянутой, а с уходом Сун Иня стала и вовсе неловкой.

Цяо Юй жадно смотрел на деликатесы, сглатывая слюну. Видя, что двое напротив не притрагиваются к еде, он тоже не решался начать. Вместо этого он с видом несчастного сиротки развернул конфету и положил её в рот.

Вернувшийся Сун Инь взял кусочек красного пирожного и положил на тарелку Цяо Юя:

— Сладкое.

Затем он перевёл взгляд на Гу Та:

— Почему не ешь? Блюда не по вкусу?

Гу Та взглянул на Янь Цзою. Тот небрежно развалился в белом кресле с инкрустацией, полностью погружённый в мобильную игру. Вне зависимости от отношения, зрелище было приятным.

Гу Та, хотя в душе он был очарован, высказал вслух совсем другое:

— Ну, видишь, кто-то не очень-то рад нас угощать.

— Сяо Янь, — позвал Сун Инь.

Янь Цзою послушно выключил телефон, выпрямился и с безупречными манерами положил кусочек пирожного на тарелку Гу Та. Затем наклонил голову и улыбнулся:

— Прошу.

Раз уж тот так сказал, Гу Та ответил:

— Не за что.

— Встреча — это судьба. Отныне мы друзья, — Сун Инь поднял бокал.

Поскольку потом ещё предстояло вести машину, вино заменили соком.

Лёгкий звон бокалов прозвучал в зале. Так, в атмосфере внешней гармонии, ужин начался. Но из четверых лишь один человек был здесь ради еды — Цяо Юй.

Цяо Юй всем существом погрузился в пиршество, полностью отгородившись от окружающего мира. Он чуть не уткнулся носом в тарелку.

Всё это время Сун Инь поддерживал разговор с Гу Та. Янь Цзою съел пару кусочков и снова увлёкся телефоном.

Тогда Гу Та первым обратился к Янь Цзою:

— Меня зовут Гу Та. А тебя?

Янь Цзою, почти не прикасавшийся к еде, ответил не глядя:

— Какая разница, как меня зовут? Отдашь платье — и мы квиты.

— Сяо Янь, хватит дурачиться! — сказал Сун Инь. — Его зовут Янь Цзою. А я — Сун Инь.

Услышав, что у них разные фамилии — Янь и Сун, — Гу Та почувствовал приступ тоски.

— Я тебя знаю. Ты же звезда, видел по телевизору.

Сун Инь какое-то время смотрел на увлечённо жующего Цяо Юя, надеясь, что тот представится. Но Цяо Юй был не из тех, кто замечает такие намёки. Сун Инь сдался, не желая мешать трапезе, и спросил Гу Та:

— А он кто?

— Цяо Юй. Мой друг, — ответил Гу Та. — А вы кем друг другу приходитеесь?

«Вы» естественно означало Янь Цзою и Сун Иня.

— О, мы... — Сун Инь задумался, столкнувшись с трудностью.

Их отношения... действительно было трудно описать. Хотя он вырос в поместье семьи Янь, и госпожа Чжун, и господин Янь обращались с ним как с родным сыном, велев своему кровному отпрыску называть его братом, был ли он им на самом деле?

Все в поместье Янь отлично знали: он всего лишь сын уличного хулигана. Хотя перед господами они с матерью держались почтительно, втайне, в глазах слуг они всегда оставались людьми низшего сорта — теми, кто добился сытой жизни лишь по милости семьи Янь, воробьями, взгнездившимися на ветке феникса. Даже теперь, когда он мог сам зарабатывать, обрёл собственный дом, машину, стал известным актёром и достиг некоторого успеха, для них он был всего лишь лицедеем, дотянувшимся до высот благодаря подачкам.

Как такой человек мог при посторонних назвать себя «его братом»? Как мог привязать себя к человеку столь высокого положения и блеска?

Эту мысль прервали.

Под тёплым оранжевым светом Янь Цзою потянулся. Его длинные волосы рассыпались по плечам. Он повернулся и поднял холодный, надменный взгляд на незнакомца рядом.

Сун Инь увидел этот взгляд — знакомый и одновременно чужой — и вспомнил, что не видел его уже очень давно.

Эти глаза всегда смотрели на него. Но теперь они смотрели на другого. Уже не на него.

Янь Цзою сказал:

— Мой брат. Родной брат.

Авторское примечание:

У скрытных людей в голове всегда полно мыслей.